

Мое воспоминание, 1949, 8 февр.

ИЛЬЯ АВЕРБАХ, режиссер сравнительно молодой, постоянно уходит в далекое прошлое, в начало века, и там ищет истоки характеров своих героев. Помните в «Монолог» возникающую в воспоминаниях профессора Сретенского скамейку в сквере, юную девушку, ее признание, что она всю жизнь любила только его? Но жизнь она прожила без него, и для старого человека это признание звучит лишь запоздалой радостью. Мотив этот повторяется в новом фильме Авербаха «Объяснение в любви» (сценарий Г. Финна по мотивам книги Е. Габриловича «Четыре четверти») — здесь герою дано прожить жизнь с той, кого он встретил еще в детстве, во всяком случае, он так думает. В воспоминаниях человека, полного имени которого мы так и не узнаем, несмотря на то, что он центральный герой картины, — все зовут его Филиппок — в легкой дымке возникает море и пароход, на котором его везли в Россию в начале первой мировой войны, и девочка, принесшая ему муки вполне взрослой любви, детской робости и юношеской ревности. И он совершенно серьезно полагает, что жена Зина, тоже давшая ему все это, и была той девочкой.

Вообще-то он странный человек, этот Филиппок, я что-то давно не видел такого героя в нашем кино, да еще чтобы он был самым главным в картине. Такие смешные чудачки вообще-то попадались, но держали их обычно где-то поодаль, на втором плане, в ролях преимущественно комических, долженствующих утеплять атмосферу вокруг главного героя, занятого суровым и серьезным делом. Филиппок тоже занят делом весьма серьезным, и

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Рецензируем фильм «Объяснение в любви»

вместе с тем он рохля, недотепа и довольно часто бывает смешным. Впрочем, у Авербаха вечно какие-нибудь неожиданности — того же профессора Сретенского в «Монолог», старого русского интеллигента, вдруг сыграл Михаил Глузский, использовавшийся до тех пор преимущественно в ролях злодеев (точность выбора режиссера была подтверждена его коллегами, начавшими предлагать Глузскому после «Монолога» сугубо положительные роли). Были и другие неожиданности — и вот, пожалуйста, на сей раз Филиппок. Играет его Юрий Богатырев.

Первое, о чем думаешь, глядя на этого Филиппка: «Сейчас таких уже нет!». Нынешние мечтатели и недотепы все же более рациональны, более практичны и организованны, знают, когда нельзя, а когда можно пойти на временный компромисс во имя осуществления своей мечты. А Филиппок... ну, ладно, хочет человек стать писателем, идет в газету, делает очерк о том, как ловили банду, а очерк не идет — сказали ему, что он воспекает уголовную психологию. Мы понимаем, что сказали ему чепуху, не мог он воспевать эту самую психологию после того, как один из бандитов целился в него, мы видели смертный страх на лице Филиппка — какое уж тут воспевание. Но вот дальше

— послали его в командировку, написать очерк о коллективизации... впрочем, тут нужно сказать пока о другом.

Изображать творческого человека и сам процесс творчества в кино невообразимо трудно — скажем, нам показывают, как человек сидит за столом и что-то пишет, а мы должны думать, что это великий поэт создает великие стихи. Не получается, не думается; недаром же Андрей Тарковский в «Андрее Рублеве» ни разу не показал своего героя с кистью в руках (правда, это тоже многих не удовлетворило). Авербах вроде бы ничего и не делает, чтобы мы поверили в талантливость его героя — просто показывает то, о чем пишет Филиппок, дает фотографии тех лет и отдельные игровые эпизоды (подбор фотографий превосходен — само время встает перед нами во всей своей драматичности), а Филиппок просто смотрит на всю эту жизнь, запоминает. И вот в том, как он смотрит на все это, с каким яростным, почти физически ощутимым желанием понять, постичь, разобраться в разворачивающейся перед его глазами сложной и прекрасной жизни (именно желанием понять, а не пониманием — Богатырев не демонстрирует нам всевидящий проницательный взгляд писателя, художника, да и нет его, такого взгляда, ибо если худож-

нику все ясно и понятно, то и писать ему неинтересно), вот в этом взгляде и видна талантливость Филиппка.

А результаты этой талантливости получаются следующие. Где-то в глубине России, на занесенном снегом полуостанке Филиппок наблюдает сцену: появляются двое «только что с регистрации», как объясняют они, и возникает странная свадьба с Филиппком и колхозными активистами в качестве гостей; выпивка и закуски у тех двоих с собой, и это очень кстати, потому что больше никакой еды нет. Пьют, веселятся, кричат «горько!» — все как у людей. И только один из активистов, молоденький и наивный, под шумок уговаривает жениха вступить в колхоз. Невеста приходит в ярость, набрасывается на активиста, бьет его головой об стол — и тут же похороны другого активиста, убитого кулаками, у могилы стоит тот молоденький, с непрошедшими синяками. А потом товарищ Гладышев, импозантный литературный деятель (играет его Кирилл Лавров, и надо сказать, что холодноватая самоуверенность, заметная в последних ролях этого актера, приходится очень в пору Гладышеву), объясняет Филиппку, что очерк сдан в набор, только свадьбу на полуостанке пришлось выкинуть. А Филиппок вместо благодарности за помощь

брыкается и заявляет, что без свадьбы очерк печатать не будет.

Вот так и идет его жизнь — через все, чем жила страна, через войну и послевоенные годы, — и остается он таким же; есть в этом человеке, при всей его мягкости и покладистости, что-то жесткое, какой-то внутренний стержень. Богатырев не играет этого напрямую, мы должны догадываться, доузнавать, но нам даны фильмом и актером все необходимые предпосылки; опять-таки очень точное решение.

Я не собираюсь писать о любви Филиппка, о женщине, с которой он прожил жизнь, хотя она занимает значительную часть фильма, и Эва Шиккульская играет эту женщину прекрасно. Она находит в ней очень жизненное сочетание нежности и жестокости, бескорыстия и расчетливости, цельности и легкомыслия, постоянства и ветрености и органичным образом соединяет все это в одном характере. Конечно, прекрасно было бы, если бы такому Филиппку встретились бы другая женщина, верная и преданная, но, как известно, любят не за что-то, а кого-то. Вот Филиппок и полюбил такую женщину, на радость и муку себе, но он, оказывается, хитрый, ему, писателю, и это пошло на пользу, помогло понять, что это за сложная штука жизнь. Впрочем, это надо смотреть — и любоваться тонким мастерством Эвы Шиккульской, играющей свою Зиночку с той легкой недоговоренностью, которая позволяет угадывать в ней много всего.

В фильмах Авербаха странным образом соединяется жесткая определенность линий и характеров с мягкостью, какой-то

размытостью контуров — все как в жизни и одновременно чуть-чуть опозитизировано, самые заурядные пейзажи и интерьеры несут на себе отпечаток людей, обитающих в них, и еще что-то трудноуловимое и непередаваемое на язык слов. Определенности в нашем кино в последнее время хоть отбавляй, а вот этой размытости, превращающей кинематографический кадр в произведение искусства, явно не хватает. Так что «Объяснение в любви» хорошо еще и тем, что заставляет вспомнить о том, что искусство должно не только отражать, но и преобразовать жизнь.

А тем временем фильм подходил к концу, и старики, с которых он начался, Филиппок и Зиночка в наши дни (играют их Бруно Фрейндлих и Ангелина Степанова), еще раз появились на экране, и Филиппок прочел вслух надпись на своей книге для своей жены — то самое объяснение в любви ей, которое и, вынесено в заглавие фильма. Это прекрасное объяснение, потому что человек в нем не отрекается ни от чего, что было в его жизни — ни от хорошего, ни от дурного, — принимает ее всю и со всем, что она принесла ему. А раз так, то прожитая эта жизнь правильно и по совести. А рядом с двумя стариками — маленькая девочка, их внучка, и наивная символика этого кадра здесь хороша и уместна: жизнь продолжается. Уместна потому, что мы видели начало этой жизни, все, что привело к появлению на экране этой маленькой девочки. И, стало быть, есть уверенность, что вырастут люди, которые тоже проживут свою жизнь правильно и по совести.

Ю. СМЕЛКОВ.